

1115

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN[®]

Ким Лоренс

**МИГ ВОПЛОЩЁННЫХ
ЖЕЛАНИЙ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Ким Лоренс

Миг воплощенных желаний

«Центрполиграф»

2022

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Лоренс К.

Миг воплощенных желаний / К. Лоренс — «Центрполиграф»,
2022 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-10125-9

Впервые встретившись со своей сводной сестрой, Майя Монк не подозревала, что та бросит на нее своего ребенка. Не успев смириться с ситуацией, в которую попала, Майя сталкивается с миллиардером Самуэле Агости, который требует отдать ему малыша.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-10125-9

© Лоренс К., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ким Лоренс

Миг воплощенных желаний

Роман

Kim Lawrence
The Italian's Bride on Paper

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

The Italian's Bride on Paper

© 2021 by Kim Lawrence

«Миг воплощенных желаний»

© «Центрполиграф», 2022

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

Пролог

Полтора годами ранее, Цюрих

Майя и Беатрис рано отправились в путь. Они ехали не одни: микроавтобус, перевозивший туристов из небольшого горнолыжного курорта в аэропорт Цюриха, был битком набит попутчиками. Все оказались в трудном положении из-за сильного шторма – на четыре дня закрыли лыжные трассы.

Шторм уже закончился, но сообщения от авиакомпании не слишком обнадеживали, а подробности о проблемах безопасности в аэропорту, упомянутые в новостях, были тревожными и расплывчатыми.

Разные слухи ходили в Интернете и баре отеля, расположенного в нескольких минутах езды от аэропорта, где Майя и Беатрис решили переждать задержку рейса.

Они были не единственными застрявшими путешественниками, которые поступили так же. Вокруг было полно напряженных, сварливых и расстроенных авиапассажиров, которые ждали новостей.

– Хорошо бы улететь до Рождества. – В замечании Беатрис не было ни капли ее обычного юмора.

Хмурясь, она взяла еще один барный стул и села, положив на него длинные ноги, а потом снова взглянула на экран своего телефона, словно желая увидеть обещанное их авиакомпанией обновление.

– Я могу пойти и проверить...

– Ладно, – отрезала Беатрис, поджав губы и не поднимая глаз.

Майя вздохнула. Сестры поссорились на горнолыжном курорте, и, хотя они помирились, общение было прохладным. Кое-что из сказанного сестрой Майя просто не могла выкинуть из головы.

– Слушай, Майя, как ты можешь давать советы об отношениях? У тебя никогда не было мужчины. Как только какой-нибудь порядочный парень подходит к тебе ближе, чем на три метра, ты отталкиваешь его, – упрекнула Беатрис.

Майя обиделась:

– Я несколько месяцев встречалась с Робом!

– И этого ты оттолкнула так же, как и всех остальных, а других и не было, верно? Значит, тебе никогда не разбивали сердце, потому что ты не рисковала...

– Ты рискнула, и посмотри, к чему это привело! – Майя пожалела о своих словах, как только они сорвались с ее губ, а стремительные попытки разрядить обстановку не увенчались успехом. – Извини, Беа, но мне очень не хочется, чтобы ты страдала. Я знаю, ты решила уйти от Данте, но он по-прежнему живет...

– Не позорь Данте, – прорычала в ответ ее сестра. – Да, я оставила его, Майя, но людям свойственно расставаться! И люди умирают, мы оба это знаем. Это называется настоящая жизнь, и по крайней мере у меня она есть. – Слезы внезапно наполнили голубые глаза Беатрис. – Прости, я не это имела в виду.

После этого они обнялись и помирились, но Майя знала: ее сестра имела в виду все, что сказала, и, вероятно, все сказанное ею было правдой.

Она подумывала ответить ей что-нибудь остроумное и веселое, чтобы поднять настроение, но не смогла. Ей не удалось бы успокоить Беатрис, поэтому лучше вообще ничего не говорить.

Отходя, чтобы размять ноги, она время от времени посматривала через плечо на сестру, чувствуя полную беспомощность из-за всепоглощающего несчастья Беатрис.

Тяжело наблюдать, как страдает тот, кого ты любишь.

Она любит Беатрис, и не важно, как часто они ссорятся или не соглашаются друг с другом. Она знает, что Беатрис всегда ее поддержит.

Они были близки как родные сестры, хотя Майю удочерили родители Беатрис. У Майи была родная сестра, но она не общалась с ней. Она видела свою сестру, вернее, сводную сестру Виолетту только на фотографии.

Майя никогда не привлекала к поискам своей биологической матери Беатрис или свою приемную мать, которую считала родной. Обратившись к Оливии Рэмси, она не знала, чего ожидать. А когда ее пригласили встретиться за обедом, Майя испытала смешанные чувства по поводу общения с незнакомкой, которая родила ее, а потом бросила. Но она не сказала об этом ни Беатрис, ни их матери. С тех пор прошло восемнадцать месяцев, и настал момент поделиться этим секретом.

Если бы она была до конца честна с собой, то признала бы: ее нежелание довериться им связано с неохотой снова и снова переживать красноречивый отказ Оливии Рэмси. Одного раза было более чем достаточно, чтобы понять, что хорошо одетая, явно состоятельная женщина, которая тебя родила, решила встретиться с тобой спустя годы только для того, чтобы категорично заявить, что тебе не место в ее жизни. Она показала Майе фотографию дочери Виолетты, которую она воспитывала, и это стало последним гвоздем в гроб надежд Майи на установление с ней каких-либо отношений.

Майя не помнила точно, как она отреагировала на нарочито спокойное изложение фактов Оливией. Она сказала что-то вроде: «Нет проблем, но я бы с радостью узнала что-нибудь о своей родне».

Итак, эмпатию она унаследовала не от своей биологической матери. А каким был ее отец? Оказалось, что ее мать не знает его имени, но помнит, как он был хорош собой.

– Обычно, – протянула Оливия, – я не встречалась с невысокими мужчинами.

Оливия равнодушно признала причину отказа от дочери: она почти наверняка оставила бы Майю у себя, если бы ее женатый богатый любовник поверил тому, что ребенок от него. Откуда ей было знать, что он сделал вазэктомию? И конечно же, Майя должна была согласиться с тем, что настоящие мужчины не терпят матерей-одиночек.

– Ой.

Мужчина с сумкой на колесиках, словно со смертоносным оружием, даже не понял, что толкнул Майю. Она укрылась за горшечной пальмой и стала наблюдать за предприимчивым молодым художником в фойе отеля, который делал карикатуры на только что прибывших постояльцев.

Майя потеряла ушибленную голень и вздохнула. Лыжный отдых был обречен с самого начала. Они еще не добрались до шале, которое хранило столько хороших воспоминаний о давних детских каникулах, когда у Майи разболелась голова.

Это стало началом грядущих событий и доказало, что попытка вернуть прошлое – фатальная ошибка. Но когда владелец шале и старинный друг семьи предложил ей и Беатрис жилье после отмены брони в отеле в последнюю минуту, они не смогли отказаться. Поэтому они успокоили себя, назвав этот отдых обычным отпуском. По словам Беатрис, у Майи появилось бы вдохновение для создания зимней коллекции их модного лейбла.

Но поработать им почти не удалось, и не из-за мигрени Майи, не из-за соблазна покататься на лыжных склонах, а из-за приезда бывшего возлюбленного Беатрис, Данте, который объявился без королевских фанфар, как полагалось по статусу наследному принцу Сан-Мацисо. И жизнь Беатрис снова пошла кувырком.

Майя могла простить ему то, что они с сестрой не работали над коллекцией одежды. Но ей не удалось простить его за то, что из-за него ее сестра – прирожденная оптимистка – стала такой несчастной. Теперь, когда Беатрис улыбалась, ее глаза всегда были грустными.

Наблюдая за людьми из укромного уголка рядом с горшечной пальмой, Майя отмахнулась от мыслей об обреченном браке сестры и стала зачарованно наблюдать, как уверенно рисует молодой художник.

Когда-то Майя считала, что у нее талант к живописи, но ее юношеская самоуверенность не выдержала насмешек и унижений отчима. Этого мужчины больше нет в ее жизни, и Майя почти поверила в свои силы, но так и не вернулась к рисованию углем или красками.

Вспоминая прошлое, она подумала, что ужасный Эдвард, вероятно, оказал ей услугу: на свете много художников гораздо талантливее ее.

Рисующий парень был опытным художником, хотя не всем нравились его зачастую нелестные, но забавные карикатуры.

– Количество важнее качества. – Он обратился к ней через плечо, и Майя виновато вздрогнула.

– По-моему, ты очень талантливый, – с улыбкой сказала Майя. Она вышла из-за пальмовых ветвей и подошла поближе, когда юноша скомкал свое последнее отвергнутое творение и взялся за новый портрет.

– Благодаря этой работенке я оплачиваю счета и покупаю еду, живя на чердаке. Только не это! – Он простонал, когда освещение замерцало и выключилось.

– Пропало электричество?

Наступила тишина, а потом зал наполнился бормотанием людей.

– Кто знает? Сегодня так было все утро. Ну, вот и снова дали свет.

Его ловкая рука запорхала над бумагой – карикатура ожила как по волшебству. Несколько коротких штрихов, и появилось изображение. Наклонив голову, Майя изучала лицо, которое обретало форму. Тонкий нос, обладатель которого привык взирать свысока на человечество, невероятно высокие скулы, рот с полной чувственной верхней губой и твердой нижней; глубокая ложбинка на квадратном подбородке, словно высеченном из гранита.

Если обладатель этих глаз с тяжелыми веками и очень длинными загнутыми кверху ресницами высокомерен, самоуверен и властен, он явно не захочет увидеть свою карикатуру. Судя по всему, он не умеет смеяться над собой.

Подняв добрые темно-карие глаза, она с любопытством оглядела зал, чтобы найти объект вдохновения художника. И сразу перестала улыбаться, заметив того, чью карикатуру рассматривала. На него нельзя было не обратить внимание, и не только потому, что он был выше ростом большинства присутствующих. Рослый, по-спортивно подтянутый, в длинном черном шерстяном пальто с широкими плечами. Его иссиня-черные волнистые волосы были зачесаны от высокого лба и слегка касались покрытого снегом воротника пальто.

Майя почувствовала неприятную энергию, исходящую от этого альфа-самца, которую он излучал даже с такого расстояния. От неприязни к этому человеку у нее стало покалывать кожу. Она заставила себя проигнорировать странный чувственный трепет, наблюдая за ним. Мужчина был по-настоящему привлекательным. Он одновременно и отталкивал, и притягивал Майю. Его красота завораживала, хотя она и пыталась найти в ней изъян.

Художник был неплохим, но теперь Майя видела несовершенство его техники. Все в незнакомце, начиная со сдержанной силы в плавной походке, как у пантеры, и заканчивая точным профилем, волевым и чувственным, подсказывало ей, что он непростой человек.

Она моргнула и покачала головой. Шум переполненного пространства снова окутал ее, и она встревожилась и смутилась, осознавая, как пристально пялится на мужчину, словно она... Майя потупила глаза и почувствовала, как у нее краснеют щеки. Она вдруг подумала, что выглядит как женщина, изголодавшаяся по сексу.

Ну, не в буквальном смысле, потому что она сознательно отказалась от личной жизни, а не была неудачницей, как предполагала Беатрис. Майя на мгновение закрыла глаза, стараясь не думать об обидных словах сестры.

Беатрис была страстной, а Майя осторожной. Иногда ей казалось, что ее сестра обрела с Данте то редкое чувство, которым наслаждались их родители до того, как судьба отняла у них отца.

Майя думала, что у каждого человека есть родственная душа, но ее трудно встретить на улице. Может быть, именно поэтому большинство людей создают несчастливые семьи, как Беатрис, считая, что нашли свою вторую половинку, а потом становятся несчастными и одинокими.

А может, Беа права? Возможно, Майя просто боится предложить свою любовь мужчине, который потом ее отвергнет. Отгоняя бесполезные мысли, она снова внимательно посмотрела на рослого и мускулистого героя карикатуры. «Никакая он не родственная душа», – размышляла она, сильно растирая руками плечи, чтобы расслабить их. Не надо анализировать неожиданную реакцию на совершенно незнакомого человека, потому что, в отличие от многих людей, включая ее сестру, которые предполагали, что выбор партнера не имеет значения, если он привлекает, Майя твердо верила: надо думать головой. И поэтому разум всегда будет управлять ее желаниями, а не наоборот.

Кроме того, надо учитывать и практическую сторону. Сейчас романтика или секс – не важно – усложнит ее жизнь.

Они с Беатрис пытаются начать модный бизнес, и одной из них следует быть серьезной. Ее сестра переживает расставание с мужчиной, поэтому Майя обязана вести себя благоразумно. Посмотрев на Беа, которая пялилась в телефон, Майя посочувствовала ей. Нет, благополучие Майи никогда не будет зависеть от мужчины. И она не позволит никому сделать ее несчастной.

Жара и толкотня были невыносимы. Самуэле чуть не развернулся и не вышел во вращающиеся стеклянные двери на улицу, где шел сильный снег. Судя по всему, ему придется торчать в аэропорту два часа.

Его мучительное разочарование усилилось, когда он узнал, что на взлетно-посадочной полосе стоит его частный самолет, но придется ждать. Он не сумеет вернуться в Рим вовремя, чтобы увидеться с братом Криштиано, которому предстояла плановая операция.

Он сжал пальцами телефон в кармане, думая о том, позвонить ли Криштиано. Потом решил подождать, пока не узнает график своих поездок. Ему не хотелось зря обнадеживать брата.

Его лицо напряглось, когда он услышал смех справа от себя. Он не хотел этого слышать. Он не желал быть здесь. Ему надо быть рядом со своим братом.

Криштиано попал в ужаснейшие неприятности не по своей вине и в одиночку проходит испытание, потому что его обожаемая жена не может посещать больницы. Виолетта ни разу не совершала дурных поступков и поддерживала своего мужа, пока ему не назначили биопсию, чтобы выяснить причины слепящих головных болей, от которых он молча страдал прошедшие полгода.

– Она заплакала, когда я рассказал ей об этом, – говорил Криштиано.

Женские слезы не трогали Самуэле. Ну, не все женские слезы. Даже сейчас, спустя столько лет, вспоминая тихие материнские слезы, он немеет от беспомощности, которую испытывал в детстве. Слезы, которыми женщины пытаются манипулировать, оставляли его холодным. Виолетта манипулировала Криштиано, который, к сожалению, не был таким хладнокровным, как его брат.

Самуэле нахмурился от гнева и презрения, которые он испытывал к Виолетте, и провел рукой по волосам. Его ладонь стала влажной, и он сжал пальцы в кулак. Он не понимал, почему мужчины в его семье выбирают себе неподходящих женщин.

Наверное, ему просто не повезло найти так называемую любовь всей своей жизни. Ясно одно: если он однажды встретит такую женщину, то убежит от нее. Самуэле цинично улыбнулся, его глаза похолодели. Он был уверен, что в ближайшее время ему не понадобится никуда бежать, потому что любовь – вымысел, а он не герой голливудской романтической комедии.

Он направился к бару, думая о том, через что проходит его брат в одиночестве. Он не сразу понял, что к нему обращаются с вопросом.

Самуэле взглянул на юношу, потом на протянутый ему рисунок и вздрогнул. Отличная карикатура. Но на ней он выглядел как слишком неприступный человек, которому вряд ли доверится даже его собственный брат.

Гнев и разочарование, которые он испытывал оттого, что сначала не спас Криштиано от неудачного брака, а потом от болезни, захлестнули его.

– Это все, на что ты способен? – Он с презрением уставился на карикатуру, потом посмотрел из-под опущенных век на художника. – Тебя ждет невеселое будущее. Я очень надеюсь, что ты умеешь делать что-нибудь другое, помимо рисования. – Произнес эти слова, он почувствовал себя виноватым и помрачнел, как грозовая туча.

Вместо того чтобы отдать рисунок юноше, Самуэле оставил его себе и потянулся в карман за кошельком. «Легче всего решить проблему деньгами, чем извиняться», – цинично подумал Самуэле. Но прежде чем он сделал хоть что-нибудь для успокоения своей совести, появилась маленькая фигурка с кудрявыми темными волосами, в ярко-оранжевом свитере под стеганым пальто. Она буквально бросилась между ним и молодым художником, который попятился, избегая столкновения.

Она двигалась так быстро, что Самуэле не понял, откуда она взялась. Упершись руками в бока, она уставилась на него снизу вверх.

Самуэле почувствовал сексуальный трепет, когда она по-доброму взглянула на юношу, а потом резко уставилась на него.

– Да ты мизинца его не стоишь! – тихо произнесла она, и ее слова задели Самуэле за живое. Сказать, что его ошеломило ее внезапное нападение, значит не сказать ничего.

Первоначальный шок Самуэле сменился сильным удивлением, когда она вытаращилась на него большими карими глазами, сверкающими от ярости золотым огнем. Желание, которое он испытал, было настолько сильным, что у него заняло в паху. Незнакомка была просто великолепна и очень ему понравилась.

Он быстро оглядел ее с головы до ног. Ее наряд был разноцветным, но великолепным. Ярко-оранжевый свитер и бирюзовое стеганое пальто. Единственным приглушенным элементом были ее зимние сапоги с меховой оторочкой, в которые она заправила бархатные облегающие брюки насыщенного бордового цвета.

Она либо дальтоник, либо хочет выделяться. В любом случае у нее это получается. Снова посмотрев на ее лицо, он потерял интерес к цветовой гамме ее одежды. Сверкающие глаза, лицо в форме сердца, обрамленное длинными темными прядями блестящих волос, выпавших из небрежного пучка на макушке.

Изящное телосложение и миловидность делали ее хрупкой и чувственной. Безупречная кожа на лице, высокие скулы, слегка вздернутый носик, говорящий об упрямстве. Она обладала пухлыми губами, которые теперь поджимала, сердито смотря на него.

Он понял, что слишком долго разглядывает незнакомую прелестницу, не подозревая, что в его глазах читается откровенное желание. Он не помнил, когда испытывал такое внезапное и сильное влечение к женщине.

То, как этот мужчина пялился на нее... От бегства Майю спасло только ее гневное неповиновение. Если бы она была по-настоящему смелой, ей бы даже на долю секунды не пришло в голову молчать и просто наблюдать за публичным издевательством, и притворяться, что она ничего не замечает.

Осознав, что едва не сделала именно это, она рассердилась и на себя, и на объект своего гнева, когда их взгляды встретились. Она выдержала пронзительный взгляд мужчины перед собой, который возвышался над ней. Но под его взглядом она теперь чувствовала еще и пульсацию в теле, и уязвимость.

Резко моргнув, она стиснула зубы, собираясь с мыслями, и нарочно сосредоточилась на том, что спровоцировало у нее такую сильную реакцию.

Когда она снова открыла глаза и встретилась взглядом с незнакомцем, то почувствовала облегчение, потому что его взгляд смягчился. Она вздернула подбородок. Она не из тех женщин, которые сходят с ума только потому, что мужчина смотрит на нее с желанием.

Она сосредоточилась на душераздирающем презрении, которое прочла в его глазах, когда он разговаривал с художником, и на пренебрежительном изгибе его губ.

– Критиковать может каждый, – страстно сказала она. – Особенно те, кому не дано понять художественный талант. Ты не распознал бы мастерство, даже если бы оно было прямо у тебя под носом.

Мужчина вздохнул и стряхнул остатки снега с ботинок.

– Сегодня я в дурном настроении. – Его голос был глубоким и хриловатым, а легкий акцент только усиливал его очарование.

Она подняла подбородок выше:

– Это угроза?

– Назови цену, – потребовал он у художника.

– Полагаю, ты думаешь, что можешь откупиться от чего угодно, – горько сказала она.

Все в этом мужчине просто кричало о богатстве и эксклюзивности. Он был неприятным и задиристым, но Майя со стыдом призналась самой себе, что не может противостоять его магнетизму.

Глубоко вздохнув, чтобы набраться смелости, она отвела взгляд от незнакомца и почувствовала, как пот струится по ее спине.

– У тебя талант, – бросила она через плечо художнику. – А ты, – прибавила она и посерьезнела, глядя на незнакомца, – не лишишь его уверенности в собственных силах. – Она с вызовом вздернула подбородок.

«И меня ты не очаруешь», – подумала Майя.

Временами Самуэле чувствовал на себе недружественные взгляды, но ни один из них не мог сравниться с явным отвращением, с которым на него смотрела незнакомка.

Он поймал себя на том, что задается вопросом: как надо поступить, чтобы она улыбнулась?

– И никогда, – процедила Майя сквозь жемчужные зубы молодому художнику, – не позволяй никому оспаривать твой талант.

– Все в порядке... – начал художник.

Она прервала его:

– Никогда не оправдывайся за чью-то грубость и не позволяй никому влиять на тебя. Ты должен верить в себя.

Самуэле распирало от раздражения и веселья. У этой женщины явно проблемы, но это не его дело.

– Ты его девушка или его психолог?

– Я человек, который не любит нахалов, – усмехнулась Майя. – Привык самоутверждаться на котях? – Она округлила глаза в притворном восхищении. – Такой большой и крепкий мужчина. Что случилось? Тебя бросила подружка?

– Хочешь занять ее место? – огрызнулся он и с удовольствием заметил, как она покраснела.

– Размечтался!

– О, я умею мечтать, – сладко протянул он.

– Плевала я на твои мечты, – надменно возразила она. – И на твои пошлые комментарии.

Свет снова погас без предупреждения, и в темноте послышался звон разбитого стекла, смех и крики.

В темноте Майя почувствовала на губах легкое касание, словно мимо них пролетела бабочка. Она вздохнула и вздрогнула, потянулась вверх, желая прикосновения, но быстро образумилась.

Свет снова загорелся.

Мужчина ушел.

Она моргнула, когда молодой художник с восхищением вручил ей рисунок.

– А ты свирепая!

– Не то слово! – Беатрис подбежала и обняла ее. – Прости за то, что я наговорила тебе раньше. Я знаю, ты пыталась мне помочь, а я вела себя как монстр.

– Нет, нет...

– Отвратительный монстр. На самом деле, Майя, мне кажется, ты права. А кто этот красавчик, на которого ты орала?

– Понятия не имею.

Глава 1

Майя опустила телефон и присела на край стола, к которому прислонялась во время разговора. Она откинула плечом прядь волос, выбившуюся из свободного пучка, и зевнула. Если бы она не ждала звонка, то уже лежала бы в постели. Но сегодня вечер пятницы, а ей двадцать шесть лет, она не замужем и живет в Лондоне, поэтому должна развлекаться.

Она знала, что ей надо что-то делать со своей личной жизнью. Вернее, с отсутствием ее как таковой. По иронии судьбы сослуживцы пригласили ее сегодня выпить коктейля и отпраздновать чью-то помолвку. Ей пришлось отказаться. Она заявила, что ее мать уезжает за границу к старшей дочери и должна ей позвонить, как только она приедет.

– А далеко она уезжает? – спросил кто-то.

– На Сан-Мацисо.

На этом экзотическом острове недавно снимали блокбастер, о нем часто упоминали в новостях и писали в газетах. Потом разговор с сослуживцами быстро перешел от обсуждения потрясающих пейзажей к зятю Майи, обладающему внешностью кинозвезды. Все жалели о том, что красивый наследник престола Сан-Мацисо, восхитительный Данте, женился на англичанке.

Майя могла бы объяснить, что англичанка – ее сестра Беатрис, которая помирилась с мужем и с радостью взяла на себя обязанности принцессы и матери.

Она снова забеременела и мучилась от сильной утренней тошноты. Майя радовалась, что их мать будет рядом с ней и поддержит Беатрис, а также помянется с восхитительной маленькой внучкой и крестницей Майи.

Но Майя хранила молчание не потому, что не гордилась своей связью с королевской семьей, а потому, что ждала вопросов. Например: «Если твоя сестра принцесса, почему ты украшаешь витрины в универмаге?»

По словам ее сестры, Майя слишком гордая, упрямая и глупая, чтобы принять помощь. Майя действительно ценила искренние предложения о помощи, но хотела всего добиться сама.

Она зевнула, поправляя пушистые мюли на узкой ступне, и решила сделать себе какао. Хотя можно выпить и вина. Она не успела решить, как в дверь позвонили.

В это время мог прийти только курьер с пиццей, а Майя ее не заказывала. Озадаченная, но спокойная, она подошла к двери. Прежде чем открыть ее, она затянула пояс на халате.

Это был не курьер с пиццей, а женщина, и не одна. До того, как стать гордой тетушкой, Майя не умела угадывать возраст детей, но сейчас сразу определила, что младенцу примерно три-четыре месяца.

Майя слегка попятилась и выдохнула, не веря своим глазам:

– Виолетта?..

Высокая и стройная женщина, словно сошедшая со страниц модного журнала, с прямыми волосами до талии, голубыми глазами и идеальным макияжем была той самой особой, фотографию которой показывала Майе ее родная мать.

– Ты Мия?

– Майя.

– Конечно, мама прекрасно описала тебя. Но я бы узнала тебя где угодно!

– Неужели?

– Конечно! Между нами существует связь, я чувствую это, сестренка. А ты нет? – Когда она наклонилась вперед, чтобы поцеловать воздух по обе стороны от лица Майи, та сразу же отпрянула, но не для того, чтобы избежать контакта, а чтобы не придавить ребенка. – Хотя ты старше меня. Но я уверена, ты прекрасно выглядишь, когда накрашишься.

Майя быстро заморгала, нервничая из-за взгляда Виолетты, похожей на сиамскую кошку. Она была так озадачена, что пропустила сомнительный комплимент мимо ушей.

– Нет... Да... То есть я... – Майя покачала головой. – Ты... – Она глубоко вздохнула и сосредоточилась. – Что происходит?

– Мне нужна помощь.

Майя с ужасом наблюдала, как стройные плечи ее сводной сестры задрожали, а прекрасное лицо сморщилось, и слезы медленно покатались по ее щекам.

Враждебность Майи сменилась искренним волнением.

– Чем тебе помочь?

– Я не должна была приезжать, правда. Прости. Мне следовало позвонить тебе, но я боялась, что ты откажешь, а мне больше некуда идти. Ты наша единственная надежда, поэтому, пожалуйста, не прогоняй нас, – жалобно умоляла она, так крепко обнимая сонного младенца, что тот протестующе вскрикнул.

Майя вырвалась из оцепенения:

– О нет... Конечно нет... – Она замолчала, поняв, что тяжело дышит, а потом увидела человека с багажом в обеих руках. – Лифта нет, а у вас куча вещей.

Майе показалось, что события опережают ее. Она оглядела многочисленные сумки, заполнившие дверной проем, и запыхавшегося, потного носильщика, который не выглядел счастливым. Он перестал хмуриться, когда Виолетта испуганно посмотрела на него сквозь слезы.

– Ах вы, бедняжка! Мия как раз собиралась помочь вам, не так ли? – Она повернулась к Майе: – Этот человек... Вас ведь зовут Джордж? Он настоящий ангел. Ну, где мой кошелек? О, Мия, заплати Джорджу и дай ему хорошие чаевые.

Мия? Ладно, ее называли и худшими именами. К тому времени, как она расплатилась с Джорджем, Виолетта и малыш устроились на диване в ее гостиной. Малыш пускал слюни и жевал кулачки, а его мать разглядывала интерьер. Судя по ее раздутым ноздрям, она явно не одобряла то, что видит.

Майя ждала. Она могла многое сказать, но не знала, с чего начать.

Виолетта прошептала дрожащим голосом:

– Извини.

– За что? – Майя слегка нахмурилась, когда Виолетта расчетливо уставилась на нее ярко-голубыми глазами.

– За то, что приехала без предупреждения. Но я в отчаянии. Хотя, клянусь, я очень давно хотела познакомиться с тобой.

– Да? Но я думала, что твоя мать... Оливия сказала, что ни ты, ни она не желаете иметь со мной ничего общего. – Майя прикусила губу, когда у нее дрогнул голос.

– Когда мама встретилась с тобой, я была уязвимой. Мне до сих пор трудно говорить о том периоде моей жизни. А мама всегда очень оберегала меня. Мне следовало извиниться, но я боялась, что ты обидишься на меня, хотя... – Ее губы задрожали, а голос надломился. – Хотя Криштиано и сказал, что я должна... Прости.

Она беспомощно оглядывалась по сторонам, пока Майя не протянула ей коробку с салфетками.

– Криштиано?

– Мой муж. – Виолетта взяла салфетку и осторожно промокнула ею гладкую щеку.

Майя изумленно разглядывала ее безупречный макияж.

– Но он умер, так и не увидев нашего дорогого Маттио.

Майя посмотрела на малыша широко распахнутыми и потрясенными глазами, и ее сердце сжалось.

– Мне очень жаль это слышать.

Младенец выбрал именно этот момент, чтобы схватить в свой пухлый кулачок прядь красиво окрашенных волос матери. Виолетта взвизгнула, и ее трагическое страдание сменилось раздражением.

– Давай я. – Майя наклонилась вперед и разжала крошечные, но цепкие пальчики, сжимающие блестящую прядь каштанового оттенка у корней и светлую на конце. Трудно было угадать, какой у нее натуральный цвет волос.

– А теперь я... У меня ничего нет!

Изо всех сил стараясь не вести себя глупо, Майя предложила еще одну салфетку, но ее сводная сестра отказалась и откинула назад блестящие волосы.

– У тебя есть малыш, а у него есть ты, – наконец хрипло сказала Майя, к ее горлу подступил ком. Она с трудом сглотнула. Если она расплчется, то будет выглядеть не так красиво, как Виолетта. – Ребенку нужны любовь и забота, – прибавила она и напомнила себе, что любовью не оплатить счета. – Я знаю, быть матерью-одиночкой тяжело с финансовой точки зрения и...

– Но Маттио – Агости!

Майя в замешательстве покачала головой.

Казалось, ее невежество шокировало молодую женщину, которая округлила голубые глаза.

– Он наследник половины состояния Агости.

– Ах да. – Майя неуверенно кивнула. По ее мнению, ребенку было бы полезнее жить не в роскоши, а с отцом.

– Конечно, деньги должны были достаться мне, как его вдове, но Криштиано изменил завещание, и я знаю, кто в этом виноват, – мрачно сказала она. – Я точно знаю, что Маттио получит свою долю, – быстро прибавила она, увидев выражение лица Майи.

Майя кивнула, ей с трудом верилось в это заявление. Но разве она могла винить Виолетту?

– Но я не могу обращаться к Самуэле за каждой мелочью. Криштиано поручил ему обеспечивать финансовое благополучие нашего ребенка.

– Кто такой Самуэле? – спросила Майя, изо всех сил стараясь не упустить нить разговора.

– Он старший брат Криштиано. Он всегда ненавидел меня. Он ревновал меня, потому что Криштиано не позволял ему принимать единоличные решения. О, я не виню моего дорогого Криштиано, он был уязвим, а Самуэле настраивал моего мужа против меня. Ты наверняка мне не веришь, но ведь никто не верит! – воскликнула она почти визгливо. – Никто не понимает... Все думают, что Самуэле заботится о своей семье и обо мне.

Майя прижала пальцы к пульсирующим вискам. С каждым словом Виолетты перед ее глазами вставала до ужаса знакомая ей картина, переводившая гнев в спокойную решимость.

– О, я понимаю. Я отлично понимаю, – сказала она. – Внешне человек может быть замечательным, а в душе совсем другим.

До того, как отчим женился на ее матери, Майя считала его заботливым и внимательным человеком. Более того, он вроде бы снова сделал ее скорбящую мать счастливой. Потом они поженились и начались издевательства, настолько изощренные и коварные, что ее мать даже не заметила, как ее изолировали от друзей, а потом и от дочерей, пока не стало слишком поздно. Майя не знала тогда, но теперь понимала: Эдвард считал, что ее близость с матерью мешает ему полностью контролировать свою жену.

Он насмехался над Майей, намеренно выставляя ее перед всеми бесполезной и лживой.

– Это называется принудительный контроль, – мрачно сказала Майя. – Ты не одинока.

– Ты понимаешь! – Благодарность сияла в глазах ее сводной сестры, но она быстро сменилась отчаянием. – Но ты ничем мне не поможешь, потому что у Самуэле в руках вся власть и деньги. – Она запнулась, целуя своего ребенка в макушку. – Он пытается отобрать у меня ребенка, но мне никто не верит! – крикнула она.

– Ты просто верь в себя, – в ярости ответила Майя, ее голос дрожал от эмоций.

– Я пришла к тебе, не подумав. На меня столько всего навалилось. Мне надо немного времени, чтобы решить, что делать дальше.

– Ты можешь пожить у меня. Не торопись.

– Правда?

Майя задалась вопросом, во что ввязывается. Но потом пристыдила себя, вздернула подбородок и улыбнулась.

– Конечно.

Только на рассвете Майя наконец заползла в постель, но, несмотря на усталость, спала урывками. Она то и дело просыпалась и вспоминала, что комната Беатрис занята ее сводной сестрой, которую она на самом деле плохо знает. Майя решила, что должна чувствовать с ней связь, но не чувствовала ничего.

Хотя не стоит ждать, что такие эмоции просто материализуются из воздуха. Кроме того, она сравнивала Виолетту с Беатрис и понимала: Беатрис лучше.

Майя занервничала, когда Виолетта, сославшись на сильную усталость, передала ей ребенка, чтобы она покормила и передела его. Майе стало не по себе, когда она в конце концов вернула малыша матери и задалась вопросом: испытывала ли ее Оливия то же самое, когда отказалась от нее? Услышав плач Маттио в соседней комнате, она вылезла из-под теплого пухового одеяла, пригладила руками взлохмаченные темные кудри и спустила ноги на пол.

Отмахнувшись от бесполезных размышлений о своей биологической матери, Майя увидела себя в зеркале, сняла с крючка за дверью халат и скривилась.

С другой стороны, ее всю ночь беспокоил повторяющийся сон, которого она наполовину боялась, наполовину страстно желала. Она не помнила конкретных деталей. После пробуждения в ее памяти оставалось только эротическое и глубокое чувство, воспоминание о низком бархатистом голосе и сильный стыд, который покидал ее лишь после второй чашки кофе.

Неужели случайная встреча много месяцев назад с рослым и высокомерным незнакомцем оставила такой сильный отпечаток в ее подсознании? Она поднесла руку к губам, которые стало покалывать. Целовал ли он ее, или это тоже игра ее буйного воображения?

Громкий детский крик заставил ее поторопиться. Племянница Майи, Сабина-Элла, редко плакала. Она была очень жизнерадостным ребенком и постоянно улыбалась, или рассматривала мир вокруг себя большими серьезными и любопытными глазами, или хихикала.

Майя задумчиво улыбнулась, вспоминая свою последнюю поездку на Сан-Мацисо. Она очень радовалась, что ее сестра обрела заслуженное счастье и наконец помирилась со своим мужем, но сожалела, что Беатрис живет так далеко от нее.

Подойдя к двери спальни, она остановилась, а потом постучала.

– Тебе чем-нибудь помочь, Виолетта? – спросила она из-за закрытой двери.

Подождав, она наклонила голову набок, прислушиваясь, но услышала только плач Маттио. Повысив голос, она повторила свой вопрос и не очень удивилась, когда ответа не последовало. Мальчик плакал слишком громко. Она несколько раз позвала Виолетту, потом медленно открыла дверь.

– Виолетта? – Майя оглядела комнату, в которой был только младенец в переносном кресле. Майя подошла и неуверенно прошептала: – Привет. – Лицо мальчика было красным, глаза опухли от долгого плача. Увидев Майю, он немного притих и протянул к ней пухлые ручки.

У Майи сдавило грудь, она испытала очень странное ощущение.

Она слотнула, в ее глазах стояли слезы. Она заморгала.

– Где твоя мама? – спросила она. – Виолетта!

Испуганный малыш сильнее разревелся.

– Нет, только не это! – Глубоко вздохнув, она наклонилась к переноске и взяла на руки теплого и заплаканного ребенка, потом неловко прижала его к своему плечу. – Пойдем искать твою мамочку.

Паникуя, она обошла всю квартиру.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – обратилась она к ребенку, который положил головку ей на плечо и уснул.

Наконец она увидела записку, прикрепленную к фотографии Беатрис с Данте, который смотрел на свою жену с обожанием. На лицевой стороне конверта было нацарапано имя – Мия.

Майя в страхе уставилась на записку. Учитывая ситуацию, в которой она оказалась, ее реакция была оправданной. Поддерживая рукой спящего младенца, она взглянула на его милое, заплаканное лицо, и ей захотелось стать такой же умиротворенной. Она судорожно выдохнула и решила положить его обратно в переносное кресло.

Устроив ребенка, она решила прочесть письмо позже. Сначала надо решить, чем накормить Маттио, когда он проснется. Потом его надо переодеть. На то, чтобы найти пеленальный коврик, подгузники и чистую одежду, ушло несколько минут. Закончив дела, Майя, раздраженно прошипев, взяла записку, но едва успела прочесть ее, как в дверь позвонили. От неожиданности она подпрыгнула на месте.

Самуэле убрал руку с дверного звонка и прижал кулак к деревянной панели, преодолевая желание разнести вдребезги последний барьер между собой и своим племянником.

Он глубоко вздохнул и напомнил себе: хотя Виолетта своеобразный человек и эгоистичная, холодная манипуляторша, она не навредит собственному ребенку. Но она без колебаний использует Маттио ради достижения своих целей. Эта мстительная вдова никогда не ставила чьи-либо нужды выше собственных интересов, а материнство нисколько ее не изменило.

Самуэле непроизвольно коснулся рукой почти незаметного красного шрама, спускающегося от скулы к подбородку. Он радовался тому, что с другой стороны лица шрам уже исчез. Он злился на Виолетту и приехал сюда из-за нее. Он пообещал Криштиано позаботиться о его ребенке. Выпрямившись, он обратил свой стальной взгляд на дверь. Он выполнит свое обещание.

Услышав звук ключа в замке, он попятился.

* * *

Помня о том, что прочла в записке, Майя пыталась повернуть ключ в замке сильно дрожащими руками. Она не сразу поняла, что дверь на самом деле не заперта. Виолетта оставила дверь открытой, когда уходила.

Майя запаниковала, подумав о том, в каком отчаянии была Виолетта, оставляя своего ребенка с незнакомкой. В короткой записке она пообещала вернуться за Маттио. Может, она уже вернулась?

Майя немного успокоилась, решив, что Виолетта все осознала и пришла за ребенком. Она энергично распахнула дверь и с удивлением уставилась на знакомого рослого мужчину. Приветливая улыбка сошла с ее губ, как только Майя столкнулась с реальностью.

Шло время. Две пары глаз встретились. Именно Майя наконец нарушила молчание, хватая ртом воздух.

– О, нет... Ты...

Не важно, сколько раз вы прыгали с парашютом, вы всегда будете испытывать шок, шагая в бездну. Самуэле почувствовал себя именно так и медленно оглядел Майю с головы до ног из-под опущенных век. И стиснул зубы от вспыхнувшего желания.

Его реакция на эту женщину была такой же, как в первый раз, когда ее карие глаза вспыхнули огнем в ответ на грубый разговор Самуэле с художником. Теперь ее глаза остекленели от шока. Его взгляд задержался на ее мягких полных губах. Он часто думал об этих губах с того дня, когда не уступил инстинкту и не поцеловал ее.

На его подбородке дрогнула жилка.

– Ты сестра?

Не готовая ни в чем признаваться, Майя ответила вопросом на вопрос:

– А ты зять? – Значит, мужчина из ее снов, с которым она виделась всего несколько минут полтора года назад, – преследователь Виолетты!

Он выгнул темную бровь и презрительно скривил губы:

– Я Самуэле Агости, и я уверен, ты знаешь, что я приехал, чтобы вернуть своего племянника домой в Италию.

Он говорил с той же надменностью, что и в Цюрихе, от него исходила чарующая мужская энергия. Майя, словно защищаясь, скрестила руки на груди.

– Ну, ты зря приехал.

– Где она?

Казалось, вопрос был адресован не Майе, хотя он презрительно смотрел на нее.

Она вздернула подбородок:

– Я хочу, чтобы ты ушел. – Она попыталась закрыть дверь, но Самуэле придерживал дверь ступней. – Дом ребенка там, где живет его мать... – Майя замолчала, не в силах справиться с тревогой, которая отразилась на ее лице, когда она поняла, что, даже если бы это было правдой, матери Маттио нет в ее доме.

Майя оказалась единственным человеком, стоящим между этим мужчиной и ее маленьким племянником.

– Ты какая-то неуверенная, – заметил он.

– Но я наверняка вызову полицию, если ты не уйдешь через десять секунд.

– Тебе придется либо выполнить свои угрозы, либо убедить в их серьезности того, кому они адресованы.

Майя поняла, что следит за движением его длинных пальцев, которые двигались от открытого воротника его белой льняной рубашки и оливковой кожи у основания шеи вверх по покрытому черной щетиной квадратному подбородку.

Он нахально улыбался ей, стараясь очаровать. Стоя в маленьком и непривлекательном коридоре, Майя почувствовала себя ничтожной и незначительной.

Наконец она расправила плечи. В конце концов, этот человек вторгся в ее жилище. Она выпрямилась во весь свой миниатюрный рост, стараясь выглядеть самоуверенной, учитывая, что почти не одета.

Не сводя глаз с его лица, она небрежно затянула пояс на халате и пригладила руками волосы.

– Я не блефую. – Она сильнее затянула пояс и резко прибавила: – Просто уйди.

Глава 2

– Где она?

Его вопрос смутил ее.

– Кто – она?

Эта невинно выглядящая женщина испытывала его терпение, но хуже всего была его удивительная реакция на нее. Одному богу известно, сколько времени он стоял как вкопанный во власти разыгравшегося вожделения.

А может быть, причина в том, что у него давно не было женщины?

Наверное, так и есть. Воздержание провоцирует сильное желание. Но он испытывает к этой женщине не только обычное влечение.

– По-моему, нам надо поговорить за закрытыми дверями. – Самуэле сглотнул, когда в его мозгу возникли ее широко раскрытые глаза и спутанные волосы. Насколько отзывчивой она будет в постели? Нахмурившись, он отмахнулся от чувственных фантазий и сосредоточился на цели своего визита.

Она запаниковала:

– Нет!

Ее ответ был настолько неожиданным, что Самуэле опешил. Она упрямо держалась руками за дверной проем, не позволяя ему войти.

– Тебе незачем входить ко мне, – твердо сказала она.

– Ты шутишь, что ли? – Он восхитился ею, когда она сильнее вцепилась руками в проем, преграждая ему путь.

Сильнее восхищения был эротический образ того, как он обнимает пальцами ее грудь. Рассердившись на свою несдержанность, он нахмурился.

Майя поджала губы и нахально уставилась на него, хотя начинала чувствовать себя немного глупо.

Она приказала себе не вспоминать их первую встречу и думать о настоящем. По сути, этот человек может отодвинуть ее со своего пути одной рукой. Но если он так поступит, она задрожит от желания. Она уже трепетала от одной мысли о его красивом, как у греческого бога, теле.

– Виолетта! – громко произнес он глубоким голосом, и Майя простонала.

– Ладно, – вздохнула она. Лучше уступить ему, пока он не разбудил Маттио. – Ее здесь нет, но...

– А Маттио?

– Его тоже нет.

Самуэле поднял брови, заметив, что она паникует.

– Ты не умеешь врать, – заявил он. – Хватит! – Он рубанул по воздуху смуглой ладонью. – Мне все равно, кто у тебя в доме. Мне нужен только мой племянник.

– У меня там никого нет! – возразила она.

Самуэле представил себе любовника, спящего в ее постели. И с угрюмым видом понял, что ему не составит труда побеспокоить этого уставшего бойфренда.

– Ты всегда носишь такую одежду после обеда?

Поняв его намек, Майя покраснела.

– Моя личная жизнь тебя не касается, – сказала она и подумала: «Как хорошо, что он не знает, что у меня нет никакой личной жизни».

Он опустил длинные ресницы, и его глаза сверкнули, а потом он категорично объявил, словно угрожая:

- Я могу оставаться здесь весь день.
 - Нет, не можешь.
 - Я... – Он умолк, услышав детский плач.
 - Ох, посмотри, что ты наделал! – воскликнула она.
- Она одарила его взглядом, которым пожелала Самуэле сгореть в аду, и выдохнула.
- Наверное, он опять уснул.
 - Я не уеду без Маттио.

Ни в его голосе, ни в точеных чертах лица не было ни намека на уступку. Напряженно размышляя, она рассматривала его красивое лицо падшего ангела: подбородок и впалые щеки, покрытые темной щетиной, острые скулы и чувственный изгиб верхней губы.

- Итак, ты должна меня впустить.
- Иначе что? Предупреждаю, я действительно вызову полицию.

Он уставился на вырез ее халата, и по спине Майи пробежала дрожь от возбуждения.

– Очень хорошо, что Виолетты на самом деле здесь нет. – Он пристально разглядывал ее лицо. – Я абсолютно уверен, что полиция заинтересуется этим.

Майя взвесила все факты и поняла, что не может ему возразить. Вздохнув, она поджала губы и отошла в сторону. Не произнося ни слова, он протиснулся мимо нее.

– Входи-входи, – язвительно протянула она и посмотрела на мужчину, который доминировал в ее маленькой гостиной.

Самуэле оглядел скромное помещение, где раньше, вероятно, было полно книг и стоял манекен для пошива одежды, обтянутый тканью.

Тут же была детская переноска, стопка подгузников и использованные влажные салфетки. Его внимание привлек плюшевый кролик. У Самуэле пересохло в горле, когда он вспомнил, как брат сообщил ему о том, что тот станет дядей.

- Ты будешь отцом? – спросил Самуэле.
- Может быть. – Криштиано отдал ему плюшевого кролика. – Рак вернулся. На следующей неделе мне начнут делать химиотерапию. Поэтому малышу нужно, чтобы ты был рядом.
- Ты сам будешь рядом с ними! Ты победил болезнь один раз, и ты победишь ее снова.
- Конечно, ты прав.

Они притворялись, будто все сложится хорошо, до последней минуты жизни Криштиано. Иногда Самуэле казалось, что младший брат оберегает его, а не себя.

Майя заметила, как на его щеке напряглись мускулы, когда он наклонился вперед и взял мягкую игрушку. На долю секунды он выглядел почти уязвимым, и она едва не посочувствовала ему. Но потом Самуэле посмотрел на нее жесткими, холодными и безжалостными глазами человека, не нуждающегося в сочувствии.

- Где прячется Виолетта? – спросил он.
- Она нигде не прячется. – Майя перевела взгляд с его лица на игрушку. – Она ушла.
- Когда вернется? – Самуэле сел в ближайшее кресло.

Майя изо всех сил старалась не паниковать, наблюдая за тем, как он вытягивает длинные ноги.

- Я точно не знаю, – неубедительно ответила она.

Он прищурился, глядя на нее и недовольно заметил:

- Ты очень мало знаешь.

– Я знаю одно: ты сидишь в моем кресле, а я тебя сюда не приглашала. Я уверена, ты нарушаешь закон.

Он ухмыльнулся:

- Я же не вампир.

Майя поджала губы, чтобы не улыбнуться. На самом деле ей было не так уж сложно представить его в роли сексуального вампира.

– Я подожду ее.

– Нет! – Она сглотнула и прибавила: – Я жду... – И замолчала, услышав тихое бормотание из радионяни на журнальном столике. – Ой, он снова проснулся.

Майя округлила глаза, когда ее незванный гость плавно вскочил с кресла. Но она решила преградить ему путь, как только он пошел к двери в спальню Беатрис.

Майя встала между ним и дверью спальни и повернулась к нему лицом. Самуэле был очень высокого роста, но она подняла руки, словно могла остановить его. Она понимала: у нее мало шансов остановить ураган.

– Есть правила, – сказала она, отказываясь уступить ему. – Основные правила.

Он удивился:

– Правила?

– Если Маттио снова заснул, не надо его будить. Пожалуйста. – Майя затаила дыхание, оказавшись во власти чувственных образов Самуэле, потом откашлялась. – Мне пришлось долго его успокаивать.

Самуэле перевел взгляд с двери на ее умоляющее лицо и кивнул.

Она почувствовала облегчение.

– Ну, и что затеяла Виолетта? Какой план вы с ней придумали? – спросил он.

– Мне очень не хочется опровергать твою теорию заговора, но факты доказывают: мы с ней ничего не придумывали.

– Она же твоя сестра? – Он подумал, что Майя намного опаснее своей гламурной и ядовитой родственницы.

– На самом деле сводная сестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.